

В. А. Мельянцеv

Оценка долгосрочных траекторий роста мировой экономики

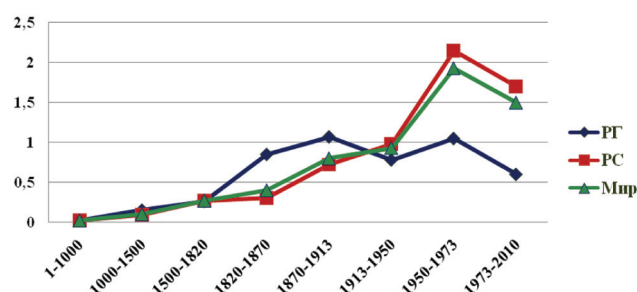
Методологически весьма полезной представляется мысль Дж. М. Кейнса о том, что «экономист высшей пробы должен изучать настоящее в свете прошлого во имя будущего»¹. Для выявления устойчивых закономерностей целесообразно объединить мирсистемный подход И. Валлерстайна с броделевским принципом исследования длительных временных протяженностей (*“longues durées”*). Накопленный к настоящему времени массив статистических данных, собранных благодаря усилиям С. Кузнеца, А. Мэддисона, П. Бэрока, других ученых и международных аналитических центров, позволяя, используя сравнительно несложные статистико-экономические процедуры, уточнить картину глобального роста, о траекториях и перспективах которого сейчас ведется немало споров².

1. Оценивая долговременные тенденции мирового развития, можно обнаружить, что в результате трансформаций, инициированных промышленной и в последние десятилетия информационной революцией, возникновения *современного экономического роста*³, произошло — отчасти вопреки, а быть может, согласно Э. Бозерапу⁴, в немалой мере благодаря существенному ускорению динамики численности населения⁵ (см. граф. 1) — феноменальное по своим

масштабам повышение темпов прироста мирового ВВП в расчете на душу населения (граф. 2) и индекса человеческого развития (ИЧР, граф. 3).

График 1

Среднегодовые темпы прироста численности населения в развитых государствах (РГ), развивающихся странах (РС) и в целом по миру, %

Рассчитано по: Maddison A. *Contours of the World Economy, 1 — 2030 AD*. New York, 2007, с. 376; The World Bank. *World Development Indicators*, 2012. Washington, D.C., 2012, с. 42–44.

ИЧР, который за первые восемьсот лет прошлого тысячелетия в целом по миру вырос не более чем на 1/10, в последующие сто пятьдесят лет увеличился более чем втрое, а затем всего за шесть послевоенных десятилетий повысился как минимум в 2,5 раза. Заметим, что будущие развитые страны, которые по рассматриваемому показателю к началу второго тысячелетия отставали в целом от стран Востока и Юга почти вдвое, сумели, прежде всего вследствие существенного прогресса в своих институциональных и технологических структурах⁶, обогнать последних так же, примерно вдвое, к началу промышленного переворота. Максимальным (четыrehкратным — по ИЧР) этот разрыв оказался в 1913 и 1950 гг.⁷, а затем в результате разнотемповости процессов экономического роста и социо-культурного развития в целом по развитым государствам (РГ) и развиваю-

¹ Цит. по: Кузакова О.А., Бобко Е.И. *История мировой экономики*. СПб, 2011. С. 8.

² См.: Россия и мир в 2020 г. М., 2005; Колодко Гж. *Мир в движении*. М., 2009; Прогноз и моделирование кризисов в мировой динамике. Отв. ред. А.А. Акаев, А.В. Коротаев, Г. Малинецкий. М., 2009; Фридман Дж. *Следующие сто лет*. М., 2010; Стратегический глобальный прогноз 2030. Под ред. акад. А.А. Дынкина. М., 2011; Россия в полицентричном мире. Под ред. А.А. Дынкина, Н.И. Ивановой. М., 2011; Мир после кризиса. Глобальные тенденции — 2025: меняющийся мир. М., 2011; Акимов А.В., Яковлев А.И. *Цивилизации в XXI веке: проблемы и перспективы развития*. М., 2012; Мир в 2050 г. Под ред. Д. Франклина и Дж. Эндрюса. М., 2013.

³ См.: Kuznets S. *Modern Economic Growth*. New Haven, 1966.

⁴ См.: Boserup E. *Population and Technology*. Oxford, 1981, а также: Ashraf Q., Galor O. *Dynamics and Stagnation in the Malthusian Epoch* // *The American Economic Review*, 2011, vol. 101, n 5.

⁵ Влияние роста численности населения на экономическое развитие носит амбивалентный характер (см.: Садовничий В.А., Акаев А.А., Коротаев А.В., Малков С.Ю. *Моделирование и прогнозирование мировой динамики*. М., 2012). Широко известны отрицательные так называемые мальтузианские шоки. Но серьезные «вызовы» (по А.Дж. Тойнби) нередко подталкивали человечество к технологическим и институциональным инновациям (Дж. Шумпетер). Возросшая численность и плотность населения при определенных обстоятельствах могут способствовать развитию позитивных экстерналий — через расширение рынков, повышение интенсивности коммуникаций, усиление действия законов конкуренции, ускорение темпов генерации и диффузии идей. Эмпирически на материалах мировой статистики несложно установить, что, при прочих равных условиях, когда среднегодовые темпы прироста численности населения существенно выше (или существенно

ниже) 1%, наблюдается в тенденции замедление подушевого экономического роста.

⁶ Проблемы институциональной и технологической зрелости стран Запада и Востока в доиндустриальную эпоху обсуждаются в работах Л.Б. Алаева, Л.С. Васильева, Л.Е. Гринина, Н.А. Иванова, А.В. Коротаева, В.А. Красильщикова, Э.С. Кульпина, М.С. Мейера, О.Е. Непомнина, С.А. Нефедова, А.М. Петрова, Л.И. Рейснера, А.Л. Рябинина, Н.А. Симонии, П.Ю. Уварова, Л.А. Фридмана, А.И. Фурсова, К. Широкова, а также П. Бэрока, И. Валлерстайна, Дж. Голдстоуна, Э. Джоунса, Й.Л. Ван Зандена, Кларка, Д. Ландеса, У. Макнейла, А. Мэддисона, Дж. Мокира, Я. Морриса, К. Перссона, К. Померанца, Э. Рейнберта, Н. Фергюсона, А.Г. Франка и др.

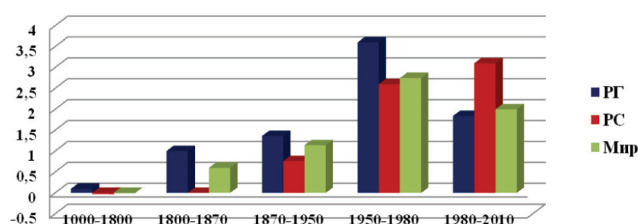
⁷ См.: Мельянцеv В.А. *Восток и Запад во втором тысячелетии*. С. 145.

щимся странам (РС)⁸ он сократился до трехкратного в 1980 г. и примерно 2.5-кратного в 2010 г.

2. Уильям Петти считал, что в основе экономики, как науки, — дефицит, дисбаланс, диспропорции, которые надлежит исправить. Поэтому, ничуть не умаляя успехов, достигнутых человечеством за прошлые столетия, обратим особое внимание на существенные сбои в глобальном росте последних десятилетий, которые усугубились кризисными явлениями, охватившими в конце 2000-х — начале 2010-х гг. РГ, переходные экономики и ряд РС. Хотя в мире продолжается НТР, наступила эра информационных (плюс био- и нано-) технологий, а также произошло значительное (почти на две пятых) уменьшение среднегодовых темпов прироста численности населения (с 1.9–2.0% в 1960-е до 1.2% в 2000-е гг.), среднегодовые (учтенные) темпы прироста глобального ВВП в расчете на душу населения не выросли, а сократились более чем на четверть — с 2.7–2.8% в 1950–1980 гг. до 1.9–2.1% в 1980–2010/2012 гг. (см. граф. 2).

График 2

Среднегодовые темпы прироста подушевого ВВП в развитых государствах (РГ), развивающихся странах (РС) и в целом по миру, %

Рассчитано на основе данных в ППС 2010 г. по: The World Bank. World Development Indicators, 2012, с. 42–44, 214–216; The IMF. World Economic Outlook, September 2011, с. 167; October 2012, p. 190; Maddison A. The World Economy: Historical Statistics. Paris, 2003, с. 174, 232–233; Мельянцева В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. М., 1996. С. 61, 145.

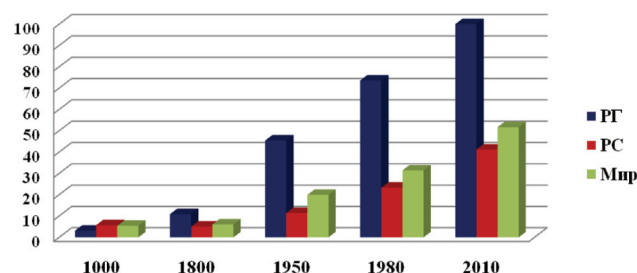
То, что темпы прироста мирового ВВП в расчете на душу населения не снизились еще больше, связано с тем, что резкое падение этого показателя в РГ (с 3.6% в год в 1950–1980 гг. до 2.5% в 1980-е гг., 1.8% в 1990-е гг. и 1.2% в 2000-е гг.) было в известной мере компенсировано его увеличением в РС (с 2.6% в 1950–1980 гг. до 3.1% в 1980–2010 гг.). В результате, как бы это ни звучало диссонансом в

⁸ Для решения основной задачи, поставленной в работе, в ней допущен ряд упрощений. В частности, в группу РС включены и переходные экономики. Некоторые из них, хотя и отличаются в лучшую сторону по уровню развития от многих РС, в разы отстают по этому же критерию от РГ. В 2010 г. подушевой ВВП (в ППС) в РФ не превышал двух пятых от уровня США, в Казахстане — трети от Японии, в Украине — одной пятой от Германии. На страны СНГ приходится менее 8–9% совокупного ВВП развивающихся и переходных экономик (рассчитано по: The World Bank. World Development Indicators, 2012, с. 20–22; The IMF. World Economic Outlook, October 2012, с. 179).

контексте продолжающихся дискуссий о мировом кризисе, среднегодовые темпы прироста глобального ВВП в расчете на душу населения выросли с 1.5–1.6% в 1980-е гг. до 1.6–1.8% в 1990-е гг. и 2.8–3.0% в 2000-е гг. При этом доля РС в приросте глобального ВВП увеличилась с немногим более одной четверти в 1800–1950 гг. до двух пятых в 1950–1980-е гг., выше трех пятых в 1990-е гг. и почти трех четвертей в 2000-е гг.⁹ (см. граф. 4). Основываясь на оценках МВФ, можно предположить, что этот показатель составит в 2011–2012 гг. 79–81% и будет на уровне 74–76% в период между 2013 и 2017 гг.

График 3

Динамика индекса человеческого развития в развитых государствах (РГ), развивающихся странах (РС) и в целом по миру (РГ в 2010 г. = 100)

Примечание. Индекс человеческого развития (ИЧР) рассчитан как среднегеометрическое относительных показателей подушевого ВВП (в ППС 2010 г.), средней продолжительности предстоящей жизни от рождения, уровня образования взрослого населения (за 1000–1800 гг. оценено по грамотности, за 1800–2010 гг. — по среднему числу лет обучения). ИЧР по группам стран и в целом по миру взвешен по численности населения.

Рассчитано по: Мельянцева В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии. С. 61, 145; Он же. Как это произошло. Возникновение интенсивного способа производства в ныне развитых, развивающихся странах и России // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение, 2004, № 3. С. 36–37; Он же. Развитые и развивающиеся страны в эпоху перемен (Сравнительная оценка эффективности роста в 1980–2000-е гг.). М., 2009. С. 206; The World Bank. World Development Indicators, 2012, с. 22, 86–88, 130, 214–216.

3. Глобализация, начавшаяся, по сути, с эпохи Великих географических открытий, прошла, как известно, несколько фаз, обусловив в результате масштабное межстрановое перемещение людей, рабочей силы, еще больше — капиталов, технологий, идей, а также товаров и услуг. Она, без преувеличения, оказала огромное, хотя и неоднозначное воздействие на мировое развитие. Но все же завышать ее масштаб не стоит. Только 2% студентов учатся в зарубежных вузах, 3% людей живут не в тех странах, где родились, 7% риса торгуется на внешних рынках, менее 1% американских компаний экспортируют свою продукцию (причем почти три пятых из них только

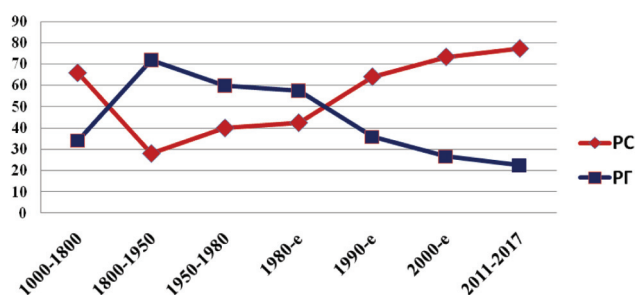
⁹ См.: The IMF. World Economic Outlook. October 2012. Washington, D.C., 2012. С. 179–190. Увеличение доли РС в приросте глобального ВВП прежде всего связано с так называемой «азиатизацией» мирового роста, повышением вклада Китая (с 8% в 1980-е гг. до 16% в 1990-е, 28% в 2000-е и 32–33% в 2010–2012 гг.) и Индии (соответственно с 4% до 6, 11 и 16%).

в одну страну). Приток ПИИ не превышает десятой от объема мировых капиталовложений, менее одной пятой венчурного капитала используется вне страны. Примерно такую же долю составляют акции, которые в среднем по миру принадлежат иностранцам. И не больше пропорция интернет-трафика пока еще переходит национальные границы¹⁰.

Тем не менее, применив несложную формулу, можно установить, что вклад экспорта товаров и услуг в прирост глобального ВВП вырос с 1–3% в 1500–1800 гг. до 10–12% в 1800–1950 гг., затем удвоился (до 23–25%) в 1950–1980 гг., а в последующие три десятилетия еще раз почти удвоился (до 42–44%, в том числе в РС до 36–38% и в РГ — до 49–51%)¹¹.

График 4

Доля развитых государств (РГ) и развивающихся стран (РС) в приросте мирового ВВП, %

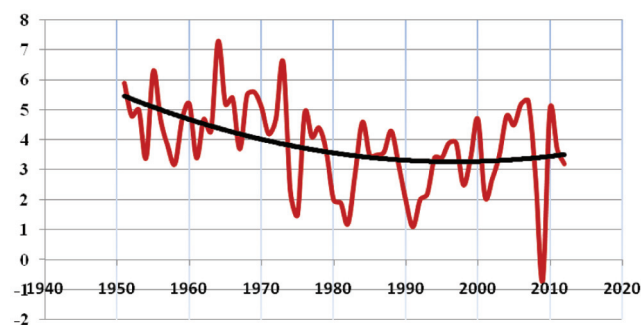
Рассчитано по источникам к граф. 2 и 3.

В отсутствие эффективно работающих международных регуляторов сильно возросшая в последние десятилетия открытость национальных экономик и либерализация их валютно-финансовых систем существенно увеличили нестабильность в мировом хозяйстве, привели к росту числа финансово-экономических кризисов¹², последний из которых нанес серьезный удар по механизмам воспроизводства в РГ, резко ослабив международную конкурентоспособность. Неустойчивость роста мирового ВВП (см. граф. 5), измеренная по коэффициенту вариации темпов прироста вокруг среднего¹³, выросла более

чем на три четверти — с 20–21% в 1950–1960-е гг. до 28% в 1970–1980-е гг. и 36–37% в 1990–2000-е гг. (в 2008–2012 гг. коэффициент составил 66%). Нестабильность воспроизводства ВВП повысилась в среднем и по РС, но по РГ она увеличилась в целом за три выделенных субпериода в разы — с 28% до 54 и 75%.

График 5

Темпы прироста ВВП в среднем по миру, %

Рассчитано по: Maddison A. The World Economy: Historical Statistics. Paris, 2003, с. 236; The IMF. World Economic Outlook, October 2008, с. 259; October 2012, с. 190.

В сложившихся условиях в последние десятилетия бизнес-сообществу в РГ оказалось выгодным интенсифицировать передислокацию капиталов, технологий и рабочих мест из центров мирового хозяйства на (полу)периферию, в страны с низкими социальными и экологическими издержками производства, располагающими большими контингентами дешевой и дееспособной рабочей силы, имеющими относительно устойчивые политические режимы и проводящими не без помощи советников из МВФ, Всемирного банка и ВТО более или менее разумную макроэкономическую политику¹⁴. За 1989–2009 гг. доля занятых в зарубежных филиалах американских ТНК выросла с 1/5 до 1/3. По данным Торговой Палаты США, американские компании зарабатывают ныне от своих внешних операций втрое больше, чем от экспорта товаров и услуг¹⁵.

Заметим, что доля РС в глобальном притоке ПИИ, осуществляемом при активном участии ТНК, выросла за 1980–2011 гг. с 14–21%¹⁶ до 50–51%. И хотя позиции РГ в общем объеме накопленных ПИИ все еще весьма солидны, доля РС в аккумулированном

¹⁰ См.: Crooks E. America: Riveting Prospects // The Financial Times, January 6, 2011; The Case Against Globaloney // The Economist, April 23rd, 2011.

¹¹ Рассчитано по следующей формуле: $V = [a \cdot 0.5 (b_1 + b_2) : c] \cdot 100$, %, где V — вклад экспорта в прирост ВВП, a и c — среднегодовые темпы прироста экспорта и ВВП, b_1 и b_2 — доля экспорта товаров и услуг в ВВП соответственно в начале и конце периода. Исходные данные взяты из источников к граф. 2 и 3, а также: Bairoch P. Victoires et déboires. Histoire économique et sociale du monde du XVI siècle à nos jours. Paris, 1997, tome 2. с. 306; Maddison A. Monitoring the World Economy, 1820–1992. Paris, 1995, с. 38, 236, 239; The World Bank. World Development Indicators, 1998, с. 206; 2012, с. 244, 248; Мельянцев В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии. С. 87, 111.

¹² См.: Стиглиц Дж. Крутое пике: Америка и новый экономический порядок. М., 2011.

¹³ Коэффициент погодовой флуктуации (нестабильности) рассчитан по следующей формуле: $F = \{[\sum (y_i - \bar{y})^2] \cdot n^{-1}\}^{0.5} \cdot (\bar{y} - 1) \cdot 100$, (%), где F — коэффициент флуктуации, y_i и $\bar{y}$ — соответствен-

но темп прироста ВВП в i -м году и среднегодовой темп прироста ВВП за период, охватывающий n лет.

¹⁴ См.: Kollmeyer Chr. Explaining Deindustrialization // American Journal of Sociology, 2009, vol. 114, N 6, p. 1667–1670.

¹⁵ См.: Crooks, E. America: Riveting Prospects // The Financial Times, January 6, 2011; This Time It's Serious // The Economist, February 18th, 2012). Все это, конечно, неплохо для ТНК США, но далеко не так хорошо для внутренней экономики страны и основной части ее населения, проигрывающей в борьбе за часть рабочих мест. Прав Т. Фридман, сказав, что «глобальное поле для конкурентной борьбы выравнивается. Мир стал плоским» (см.: Фридман Т. Плоский мир: краткая история XXI века. М., 2006. С. 13).

¹⁶ Оценки варьируют в зависимости от методологии подсчетов.

объеме ПИИ увеличилась с 1/4 в 1990 г. до более 1/3 в 2011 г.¹⁷ Это придало немалый импульс развитию нескольким десяткам стран Востока и Юга, усилило международное разделение труда и интеграционные связи в мировом хозяйстве. Но одновременно эти факторы подстегнули неоднозначные по своему характеру и последствиям процессы деиндустриализации¹⁸ и сервисизации производства и занятости, происходящие в РГ.

4. Приведенные в табл. 1 данные говорят о нарастающей в тенденции интенсивности и весьма существенной противоречивости изменений в структуре мировой занятости. Среднегодовой темп прироста суммы абсолютных величин сдвигов в секторной (отраслевой) структуре¹⁹ занятости вырос в целом по миру с 0.0% в 1500–1800 гг. до 0.2% в 1800–1950 гг., 0.6% в 1950–1980 гг. и 1.0% в 1980–2010 гг. (показатель по РГ повысился соответственно с 0.1% до 0.4, 0.9 и 1.0%, а по РС — с 0.0% до 0.2, 0.6 и 1.0%). Дезаграризация структуры занятости, обнаружившаяся в мире (прежде всего в будущих РГ) еще в прединдустриальную эпоху, резко усилилась с начала промышленного переворота и сопровождалась увеличением долей в занятости как вторичного, так и третичного секторов экономики вплоть примерно до 1980 г. После этого в течение последних десятилетий доля индустриального сектора в занятости в среднем по странам Запада и Японии сократилась более чем на треть, а в РС ее среднегодовой темп прироста уменьшился почти вдвое.

В целом по миру доля занятости во вторичном секторе экономики мало изменилась с 1980 по 2010 г. (оставаясь на уровне 21–22%), что в значительной мере связано со сравнительно низкой трудоабсорбционной способностью современной промышленности, а также возросшим спросом в мире (в условиях информационной революции и глобализации) на ряд производственных, социально-культурных и торгово-финансовых услуг (хотя часть занятости в этом секторе в РС, да и в РГ, не отличается высокой продуктивностью и камуфлирует, по сути, скрытую безработицу)²⁰.

¹⁷ Составлено и рассчитано по: UNCTAD.World Investment Report, 2012. New York, 2012, с. 169, 173; Мельянцев В.А. Развитые и развивающиеся страны в эпоху перемен. С. 97–98. О метаморфозах в потоках ПИИ в РС и в целом по миру см.: Цветкова Н.Н. ТНК в странах Востока: 2000–2010 гг. М., 2011.

¹⁸ См.: Wood A., Mayer J. Has China Deindustrialized Other Developing Countries // The Review of World Economies, 2011, vol. 147, N2, с. 325–350.

¹⁹ Интенсивность сдвигов в структуре занятости (J) рассчитана по следующей формуле:

$$J = \left\{ \left[(100 + \sum_{i=1}^n |A_{it} - A_{i0}|) / 100 \right]^{1/t} - 1 \right\} * 100, \%,$$

где A_i — доля сектора i в занятости в проц. пунктах в начальном или конечном моментах периода (0, t), n — число секторов (в данном случае — три: аграрный, индустриальный, третичный).

²⁰ В среднем по РГ доля занятых в сфере услуг возросла в 1980–2010 гг. на треть — с 55–56% до 73–74% (см. табл. 1). При этом, однако, если в Италии и Японии этот показатель в

Уменьшение доли РГ в приросте глобальной занятости — с 32–34% в 1800–1913 гг. до 22–23% в 1913–1950 гг., 13–14% в 1950–1980 гг. и 8–10 % в 1980–2010 гг. происходило на фоне значительного снижения их удельного веса в увеличении индустриальной занятости в мире — с 52–55% в 1800–1950 гг. до 19–21% в первые послевоенные десятилетия и (–)8–10% в 1980–2010 гг. Что касается сферы услуг, то ее вклад в прирост общей занятости вырос в среднем по миру с 26–29% в 1800–1950 гг. до 32–34% в 1950–1980 гг. и 68–70% в 1980–2010 гг., в том числе в РС соответственно — с 18–20% до 24–25 и 62–64% и в РГ — с 48–50% до 90–92 и 132–136%²¹.

Таблица 1

Динамика структуры занятости в развитых государствах, развивающихся странах и в целом по миру, %

	Сектор	1500г.	1800г.	1950г.	1980г.	2010 г.
Развитые государства ¹	Аграрный сектор	80	66	24,9	8,5	3,7
	Промышленность и строительство	10	17	34,8	36	22,4
	Сфера услуг	10	17	40,3	55,5	73,9
Развивающиеся страны ²	Аграрный сектор	80	77	71	62	39,5
	Промышленность и строительство	10	10	12,6	18	22,1
	Сфера услуг	10	13	16,4	20	38,4
В целом по миру	Аграрный сектор	80	75	59,8	51,5	34
	Промышленность и строительство	10	11	18	21,5	22,1
	Сфера услуг	10	14	22,2	27	43,9
Доля в мировой занятости	Развитые государства	20	17	24,3	19,6	15,3
	Развивающиеся страны	80	83	75,7	80,4	84,7

Примечание. 1. Страны Запада и Япония. 2. Страны Востока (без Японии) и Юга, а также страны, имеющие ныне переходную экономику.

Составлено и рассчитано по: Bairoch P. Victoires et déboires. Histoire économique et sociale du monde du XVI siècle à nos jours. Paris, 1997, tome 1, с. 597; tome 2, с. 189; tome 3, с. 740; Maddison A. Chinese Economic Performance in the Long Run. Paris, 1998, с. 69; ILO. Global Employment Trends, 2012. Geneva, 2012, с. 98–99; The World Bank. World Development Indicators, 1998, с. 52, 60; Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет. Под ред. чл.-корр. И.С. Королева, 2003. С. 529–538; Мельянцев В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии. С. 110, 161.

Вместе с тем в послевоенный период среднегодовые темпы прироста производительности (в расчете на занятого) в сфере услуг в целом по РС и РГ отставали, как минимум, на треть от показателя по всей экономике (это отставание стало в среднем вдвое больше, чем в XIX — первой половине XX

итоге не превысил 67–70%, составив в Германии и Франции соответственно 70 и 74–75%, то в Великобритании он достиг почти 79%, а в США 81–82% (см.: The World Bank.World Development Report, 2013.Washington, D.C., 2012, с. 352–353). Таким образом, в последние десятилетия ряд РГ сильно продвинулся по пути «дематериализации» экономики.

²¹ В странах Запада и Японии абсолютная численность занятых сократилась в аграрном секторе в 1950–1980 гг. наполовину, в 1980–2010 гг. — более чем на две пятых, в индустриальном секторе в первый период — выросла почти в полтора раза, а во второй — снизилась на одну пятую (рассчитано по источникам к табл.1).

века). Если в 1950 г. в среднем по странам Запада и Японии продуктивность труда в сфере услуг была в полтора раза выше, чем в индустриальном секторе, то спустя шесть десятилетий она оказалась почти на 1/10 ниже, чем в последнем²².

По нашим расчетам и оценкам, ускорение глобального экономического роста при переходе от доиндустриальной к индустриально-сервисной модели развития²³ (с 0.3-0.4% в год в 1500–1800 гг. до 1.5–1.7% в 1800–1950 гг. и 4.6–4.8% в 1950–1980 гг.) было вызвано примерно на 1/3–2/5 увеличением вклада занятости, на 2/5–1/2 — производительности в основных секторах мировой экономики и почти на 1/5 — повышением вклада перемещения рабочей силы из отраслей с низкой в отрасли с более высокой производительностью труда. Замедление среднегодовых темпов роста мирового ВВП до 3.4–3.6% в 1980–2010 гг. (или примерно на четверть по сравнению с первыми послевоенными десятилетиями) связано соответственно на 1/10 и 9/10 с уменьшением вкладов прироста занятости и производительности (компенсирующий эффект межотраслевой передислокации рабочей силы составил не более 5–7%).

Замедление практически целиком определялось почти двукратным снижением среднегодовых темпов прироста ВВП в РГ (соответственно с 4.5–4.7 до 2.4–2.6%), которое было вызвано на 1/7 уменьшением вклада прироста занятости, на 1/5 — снижением эффекта перемещения труда²⁴ и примерно на 2/3 — уменьшением вклада прироста производительности, в том числе во вторичном секторе — на 13–15%, в сельском хозяйстве — на 20–22% и в сфере услуг (самый большой сектор, в котором концентрируются как продуктивные, так и не очень продуктивные рабочие места) — на 29–31%²⁵.

²² Согласно недавно опубликованным данным Всемирного банка, в 1995–2010 гг. отношение уровня производительности в сфере услуг к соответствующему показателю по индустриальному сектору заметно снизилось в США, Японии, Германии и Канаде (см.: The World Bank. World Development Report, 2013. Washington, D.C., 2012, с. 360–361).

²³ По основным секторным источникам роста ВВП.

²⁴ Этот показатель по РГ снизился, по нашим уточненным оценкам, с 10–12% в 1950–1980 гг. до 3–4% в 1980–2010 гг. Между тем в РС, в которых, как отмечалось, в послевоенный период значительно ускорились сдвиги в структуре занятости, он, напротив, повысился соответственно с 16–18% до 28–30%.

²⁵ Расчеты произведены с использованием следующей формулы:

$$\Delta Y/L = \sum_{i=1}^n L_{i0}/L_0 \cdot \Delta(Y_i/L_i) + \sum_{i=1}^n Y_{i0}/L_{i0} \cdot \Delta(L_i/L_0) + \sum_{i=1}^n \Delta(L_i/L_0) \cdot \Delta(Y_i/L_i),$$

где Y/L , Y_i/L_i , Y_{i0}/L_{i0} — производительность труда, в т.ч. в i -й отрасли и в базовом периоде; L_i/L , L_{i0}/L_0 — доля i -й отрасли в совокупной занятости, в т.ч. в базовом периоде. Первая компонента — эффект суммарного роста производительности труда по отраслям экономики, вторая компонента — эффект межотраслевого перемещения рабочей силы, третья компонента — совместный эффект производительности и перемещения рабочей силы. Исчислено по источникам к табл. 1 и граф. 2 и 3, а также: Мельянцев В.А. Развитие и развивающиеся страны. С. 198–199; Maddison A. Chinese Economic Performance in the

5. Переход к современному экономическому росту (СЭР) в моделях С. Кузнецца, А. Льюиса, У. Ростоу взаимосвязан с увеличением нормы капиталовложений. Имеющаяся информация позволяет предположить, что доля валовых капиталовложений в ВВП выросла в среднем по миру с крайне низкого уровня в 2–4% в 1000–1800 гг. (возможно, 4–5% в 1500–1800 гг.) до 9–11% в 1800–1950 гг., когда ныне развитые страны, а также (ближе к концу этого периода) ряд латиноамериканских и будущих переходных экономик осуществляли индустриализацию²⁶. В целом по РГ этот индикатор увеличился с 4–6²⁷ до 12–14%, а в среднем по РС — с 2–3 до 6–8%.

Используя несложную (но полезную) методику, встречающуюся в работах Р. Харрода, Е. Доммара, В.А. Яшкина, публикациях Всемирного банка, можно определить, что ускорение роста в целом по миру (с 0.1-0.2% в год в 1000–1800 гг. до 1.5–1.7% в 1800–1950 гг.) было примерно на 1/2–3/5 вызвано повышением нормы капиталовложений и на 2/5–1/2 — увеличением их эффективности, или снижением коэффициента предельной капиталоемкости (в РГ — соотношение факторов было обратным)²⁸.

Развитие цивилизации сопряжено, как известно, с немалыми издержками, в том числе урбанизационными, инфраструктурными, социальными, экологическими и др.²⁹ Поэтому в том, что на следующем этапе СЭР (в 1950–1980 гг.) ускорение мирового роста (до 4.6–4.8% в год) было «оплачено» значительным повышением нормы инвестиций (в среднем до 23–25%; вклад этого фактора в ускорение роста в среднем по РГ и РС достиг 3/4–4/5, а соответственно эффективности капвложений, наоборот, снизился до 1/5–1/4), на наш взгляд, нет ничего удивительного. Люди вообще быстро привыкают к хорошему, воспринимая эффективность (везение и другие приятные обстоятельства) как норму, забы-

Long Run. Paris, 1998, с. 56; Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет. Под ред. чл.-корр. И.С. Королева, 2003. С. 517–521.

²⁶ Многие страны Востока и Юга, оказавшись в состоянии колониальной или полуколониальной зависимости, были, как известно, лишены возможности проводить сколько-нибудь эффективные реформы.

²⁷ Для сравнения: в Римской империи эпохи раннего принципата доля чистых капиталовложений в национальном продукте, по оценке Р. Голдсмита, составляла порядка 2%. А. Мэддисон полагал, что ввиду активного инфраструктурного строительства, которое осуществлялось в те времена, доля валовых инвестиций в ВВП могла достигать 6.5% (Goldsmith R. An Estimate of the Size and Structure of the National Product of the Early Roman Empire // The Review of Income and Wealth, 1984, N 3, с. 284; Maddison A. Contours of the World Economy, 1 — 2030 AD. New York, 2007, с. 46).

²⁸ Рассчитано по формуле: $\ln(Y_j/Y_i) = \ln[(M_j/M_i) \cdot (F_j/F_i)]$, где Y , M и F — соответственно среднегодовой темп прироста ВВП, норма капиталовложений в среднем за период и их эффективность (показатель обратный коэффициенту предельной капиталоемкости роста), i и j — соответственно предыдущий и последующий периоды.

²⁹ См., например: Ferguson N. Civilization. The West and the Rest. London, 2011.

вая предостережение Д. Рикардо о возможности наступления фаз убывающей отдачи ресурсов.

Между тем наступившее в мире в последние три десятилетия существенное (в РГ — резкое) замедление среднегодовых темпов экономического роста — соответственно на четверть (до 3.4–3.6%) и почти наполовину (до 2.4–2.6%) — произошло при сохранении в целом по миру достигнутой в первые послевоенные десятилетия нормы капвложений. В среднем по РС она, правда, несколько выросла (с 22–24 до 26–27%, составив в 1980-е гг. 26–27%, в 1990-е гг. 25–26% и в 2000-е гг. 28–29%), а в целом по РГ — сократилась (с 24–26 до 21–22% и соответственно до 23–25%, 21–23 и 17–19%). При этом в среднем по миру коэффициент предельной капиталоемкости роста увеличился на треть — с 5.1 в 1950–1980 гг. до 6.9 в 1980–2010 гг. (см. граф. 6). Однако в РС, куда, ввиду их сравнительно более низких издержек производства, в условиях глобализации и ИР из центров мирового хозяйства интенсивно переводятся бизнесы, показатель повысился всего на 1/6 — с 4.8 до 5.6, а вот в РГ он вырос намного больше — в среднем почти на три пятых (с 5.4 до 8.5, в том числе до 7.5 в 1980-е гг., 8.8 — в 1990-е и 10 — в 2000-е гг.³⁰).

Многочисленные исследователи вслед за Т. Шульцем и Г. Бэккером, Дж. Кендриком и Э. Дэнисоном пишут о возрастающей роли в экономическом развитии вложений в человеческий капитал. По нашим расчетам и оценкам, доля инвестиций в образование, здравоохранение и науку выросла в мире при переходе к СЭР практически на порядок — с мизерных 0.2–0.3% ВВП в течение первых восьми столетий прошлого тысячелетия до 2.5–3.0% в 1800–1950 гг. (в будущих РГ — с 0.4–0.6% до 3–5%, в РС — с 0.1–0.3% до 1.4–1.8%), увеличившись впоследствии, в первые послевоенные десятилетия в 4–5 раз до 12–13% (в РГ — до 14–16%, в РС — до 6–7%), что, как мы уже отмечали, сопровождалось ускорением экономического роста, повышением ИЧР.

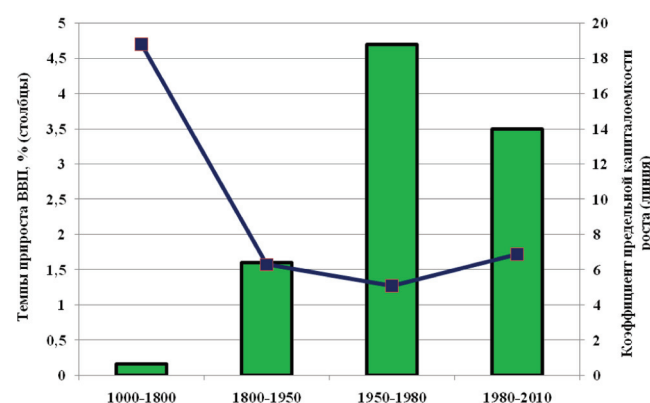
Однако рост этих валовых затрат не может быть (долгое время) почти экспоненциальным. Сам рост этих показателей приводит к обесценению достигнутого, ибо человеческий капитал так же, как и основной капитал, имеет обыкновение достаточно быстро амортизироваться физически и морально³¹. Новые знания, методы, подходы, когнитивные практики нередко убивают старые навыки и знания, а дальнейший рост продолжительности жизни и здоровья населения требует все более мощных удельных вложений.

³⁰ Расчеты выполнены по данным и источникам к граф. 6.

³¹ Если 20–30 лет назад полученного высшего образования хватало на 20–25 лет практической деятельности, то сейчас — всего на 5–7 лет, а в отраслях, интенсивно использующих или «производящих» НТП, — на 2–3 года (См.: Садовничий В.А. Высшая школа России: традиции и современность // Новая и новейшая история, 2003, № 2, С. 10; Степанова Т.Е., Манохина Н.В. Экономика, основанная на знаниях. М., 2008, с. 105).

Расходы на развитие человеческого капитала (в принятых в работе границах — в образование, здравоохранение, науку) достигли в целом по миру в 1980–2010 гг. солидного размера — 16–17%, или 1/6 его ВВП. В РС они, правда, составили более скромную величину (8–10%), но — немалую для их более низкого уровня доходов. А вот в РГ этот показатель с учетом расходов на неформальные виды образования и переподготовки кадров в целом за последние три десятилетия достиг 21–23% их ВВП. Это в целом неплохо, так как в среднем по странам Запада и Японии доля инвестиций в человеческий капитал в совокупных расходах на формирование человеческого и физического капитала (без учета жилья) выросла, по нашим оценкам, примерно с 1/10 в течение нескольких столетий, предшествовавших промышленной революции, до 1/4–1/3 в 1800–1950 гг. 2/5–1/2 в 1950–1980 гг. и почти 3/5 в последние три десятилетия (по РС аналогичный индикатор увеличился, но скромнее — соответственно с 1/10 до менее 1/5, 1/4 и менее 1/3).

График 6
Динамика глобального роста и коэффициента предельной капиталоемкости

Рассчитано по источникам к граф. 2, а также: Maddison A. *Contours of the World Economy, 1 — 2030 AD*. New York, 2007, с. 381; The World Bank. *World Development Indicators*, 2012. Washington, D.C., 2012, с. 244; Мельянцева В.А. *Восток и Запад во втором тысячелетии*. С. 63, 83, 89, 113; Он же. *Как это произошло*. С. 26–27, 29; Он же. *Развитые и развивающиеся страны в эпоху перемен*. С. 112, 181, 204.

Однако, если к весьма солидной «квоте» ВВП, расходуемой в РГ на формирование человеческого капитала, присовокупить другие социальные траты развитых, но стареющих обществ, полученный таким образом индикатор своеобразной «цивилизационной нагрузки» может достигнуть, как минимум, от трети до двух пятых ВВП, а с учетом выросшей с начала СЭР нормы капвложений — 1/2–3/5 ВВП³².

³² Рассчитано по источникам к граф. 2–3, 6, а также: Мельянцева В.А. *Развитые и развивающиеся страны*. С. 9, 122; Он же. *Восток и Запад*. С. 118; Он же. *Как это произошло*. С. 26, 29; Lindert P. *Growing Public. Social Spending and Economic Growth Since the Eighteenth Century*. Vol. 1. Cambridge, 2010, с. 12–13; The World Bank. *World Development Indicators*, 2012, с. 84, 102, 334; The UNDP. *Human Development Report*, 1994; 2007; 2011.

Представляется, здесь коренится немалое противоречие развития. В конечном счете такая ситуация приводит к сдерживанию роста личного потребления дееспособной и работающей части населения, лишая ее ряда экономических стимулов³³. Рост становится очень дорогим. Если бы в РГ не происходило наращивание внутренних и внешних заимствований³⁴, принявших, как известно, в последнее десятилетие огромный масштаб и приведших к глобальному финансовому кризису³⁵, то рост личного потребления, скорректированный на увеличение инвестиций в человеческий капитал, в последние три десятилетия в расчете на душу населения составил бы, возможно, всего около 1% в год, а для большинс-

³³ О торможении в РГ темпов прироста ВВП и эффективности, связанном помимо рассмотренных выше причин с недонакоплением физического капитала, стагнацией уровня расходов в ВВП на образование и НИОКР, уменьшением демографического дивиденда, замедлением роста качества в системе образования и отсутствием прорывных успехов в фундаментальной науке (кроме информационных и отчасти био- и нано-технологий). См.: Полтерович В.М. Модернизация — это творческий процесс // Эксперт, № 26 (711), 5 июля 2010; Мельянцева В.А. Сдают ли развитые страны развивающимся свои позиции? // Мировая экономика и международные отношения, 2009, № 12; Carneiro R., Lee S. Trends in Quality-Adjusted Skill Premia in the United States // The American Economic Review, 2011, vol. 101, n 6, с. 2309; Gordon R. Is U.S. Economic Growth Over? Faltering Innovation Confronts the Six Headwinds. NBER. Working Paper 18315. Cambridge (MA), 2012.

³⁴ В целом по экономически продвинутым странам показатели общего размера выданных кредитов и рыночной капитализации (по долевым бумагам), отнесенные к ВВП, удвоились соответственно за тридцать и двадцать лет (1980–2010 и 1990–2010 гг.), достигнув 164–165% и 95–97%. При этом индикатор «финансовой глубины», включающий также данные о стоимости деривативов, оказался, как минимум, в 10–15 раз больше. Заметим, что аналогичные индикаторы в целом по РС (без учета деривативов) в обозначенные периоды увеличились еще «круче» (с 30–31 до 72–74% и с 18–19 до 72–73%) в немалой мере за счет стремительной финансовализации экономики Китая, что в конечном счете привело к ее заметному перегреву (составлено по: The World Bank. World Development Indicators, 1998, с. 256; 2003, с. 272; 2012, с. 286, 298; Россия в полицентричном мире. С. 42).

³⁵ Гипертрофированное развитие сильно дерегулированного финансового сектора, доля которого в ВВП США, несмотря на замедление экономического роста, в 1981–2008 гг. удвоилась (до 8%), а в общем объеме корпоративных прибылей страны — увеличилась в 2.5 раза (до 2/5), сопровождалось сверхконцентрацией в нем основной массы (в США в 2007 г. 80%) банковских кредитов, нарастанием масштабов рискованного инжиниринга (в том числе финансового мошенничества) и токсичного виртуального богатства. Последовавший кризис, который в немалой мере был спровоцирован быстро растущей задолженностью менее состоятельных семей, «подсезших» на необеспеченные (субстандартные) кредиты, привел к резкому росту частной, и в конечном счете государственной, задолженности, объем которой, отнесенный к размеру ВВП, увеличился в США с 55% в 2000 г. до 101% в 2011 г., в Еврозоне — с 69 до 88%, в Японии — со 135 до 206% (см.: Стиглиц Дж. Крутое пике. М., 2011, с. 17, 204–209, 325–327, 350, 387–389; Botox and Beancounting // The Economist, April 30th, 2011; Kumhof M., Rancière R. Les inégalités, moteur de la crise financière // Problèmes économiques, 2011, n 3023, с. 10–13; Laurent A. Réformer sérieusement nos finances // Commentaire, 2012, n 138, с. 341; Wolf M. We Still Have That Sinking Feeling // The Financial Times, July 10, 2012 (www.ft.com/intl/cms/s/0/c57b0d1e-ca81-11e1-89be-00144feabdc0.html#axzz20Kte4b7R)).

тва населения экономически продвинутых стран (поскольку в них происходил заметный рост неравенства по доходам, богатству и потреблению)³⁶ он был бы существенно меньше. При этом предельная капиталоемкость роста личного потребления оказалась бы, по меньшей мере, в полтора раза выше показателя, рассчитанного по росту ВВП.³⁷

Развивая сказанное, заметим, что согласно расчетам, представленным в граф. 7, переход к СЭР ознаменовался повышением среднегодовых темпов прироста совокупной факторной производительности (СФП). Однако в целом по миру и в частности в РС они все еще сравнительно невысоки и обеспечивают в среднем от четверти до трети прироста ВВП. В РГ вклад СФП в увеличение ВВП выше³⁸, но учтенные темпы прироста этого показателя сократились в среднем более чем вдвое за последние три десятилетия. В этих условиях ряд быстрорастущих стран Востока и Юга, используя заимствованные технологии, стал подтягиваться к РГ не только по показателю душевого ВВП и ИЧР, но и по уровню СФП. Китай, в частности, по последнему показателю вырос с 9–14% от индикатора США в 1980 г. до 13–15% в 1990 г., 18–20% в 2000 г. и 22–24% в 2010 г.³⁹

³⁶ Рост неравенства, обусловленный значительным дерегулированием в мире финансовой сферы и трудовых отношений, глобализацией рынка рабочей силы, а также снижением в ряде РГ и РС ставок обложения высоких доходов, привел, в частности, к тому, что в США в 1976–2007 гг. реальная средняя почасовая зарплата американцев практически не увеличилась, в то время как 3/5 прироста ВВП происходило за счет 1% богатейших. В результате доля последних в совокупных доходах жителей США повысилась с 8.9 до 23.5%, а разрыв в доходах между верхушечными 0.1% американцев и низшими 90% населения страны вырос с двадцати- до восьмидесятикратного (см.: Райх Р. Послешок. М., 2012, с. 5, 21, 66; Сакс Дж. Цена цивилизации. М., 2012, с. 35, 83; Frank R. Income Inequality: Too Big to Ignore // The New York Times, October 16, 2010; Zingales L. La crise du capitalisme américain // Problèmes économiques, 2010, N 2994, с. 37; Unbottled Gini // The Economist, January 22nd, 2011; Atkinson A., Piketty Th., Saez E. Top Incomes in the Long Run History // The Journal of Economic Literature, 2011, vol. 49, N 1, с. 9; Kemeny T., Rigby D. Trading Away What Kind of Jobs? // The Review of World Economy, 2012, vol. 148, n 1, с. 14).

³⁷ Рассчитано по источникам к граф. 2, 6, а также: Taming Leviathan // The Economist, March 19th, 2011, с. 4; Lindert, P. Growing Public, с. 12–13; Мельянцева В.А. Развитие и развивающиеся страны. С. 9, 122; Он же. Восток и Запад. С. 118; Он же. Как это произошло. С. 26, 29; The World Bank. World Development Indicators, 1998, с. 90; 2012, с. 84, 102, 334; The UNDP. Human Development Report, 1994; 2007; 2011.

³⁸ Среди РГ существуют немалые различия в доле интенсивных факторов роста (см.: Мельянцева В.А. Развитие и развивающиеся страны. С. 182).

³⁹ Рассчитано по следующей формуле: $TFP_c / TFP_u = (Y_c / (L_c^{0.65} * K_c^{0.35})) / (Y_u / (L_u^{0.65} * K_u^{0.35}))$, где TFP_c и TFP_u , Y_c и Y_u , L_c и L_u , K_c и K_u — соответственно уровни СФП, ВВП, занятости и объема основного капитала в Китае и США. Объем капитала рассчитан методом непрерывной инвентаризации, предложенным Р. Голдсмитом. Исчислено по источникам к граф. 2 и 3. Расчеты — ориентировочные, способные отразить динамику процесса. Если же с учетом имеющихся данных и оценок сделать поправку на объем отработанного времени и меру использования производственных мощностей в двух странах, может

6. Отмечая немалые сбои в хозяйственных механизмах РГ и существенные достижения в ряде НИС и крупных развивающихся стран, следует иметь в виду, что даже успешные РС испытывают немало финансово-экономических, социальных и экологических проблем. В ряде сценариев будущего развития мировой экономики предполагается *торможение роста азиатских стран* в связи с обострением у них структурных диспропорций, возникновением «ловушки среднего уровня развития»⁴⁰. Наш расчет по ряду успешных азиатских стран показывает, что достижение, например, 20% уровня подушевого ВВП США (в КНР в 2010 г. 16%) может, при прочих равных условиях, «сбить» среднегодовой темп его прироста до 4–5%⁴¹. Кстати, в Китае, в котором, по предварительным оценкам, в 2011–2012 гг. подушевой ВВП достиг примерно 17–18% от уровня США, произошло, судя по расчетам, сделанным профессором П. Чованеком из университета Цинхуа на основе композитных индикаторов, замедление роста ВВП до 4–5% в год⁴².

Между тем, судя по данным граф. 8 и 3, несмотря на некоторое *сокращение относительного разрыва* в подушевом ВВП и ИЧР между РГ и РС, произошед-

получиться, что Китай отстает от США по уровню совокупной эффективности не в 4–5, а в 5–6 раз.

⁴⁰ Речь идет об уменьшении демографического дивиденда и эффекта межотраслевого перемещения занятых в КНР, удорожании рабочей силы и юаня, невозможности продолжать рекордное по темпам наращивание капиталовооруженности труда. См.: Asia 2050. Realizing the Asian Century. ADB. Singapore, 2011; Eichengreen B. et al. When Fast Growing Economies Slow Down. NBER, Cambridge, MA, 2011; China 2030. Building a Modern, Harmonious, and Creative High-Income Society. The World Bank, Washington, D.C., 2012; Торможение Китая. Специальный доклад // Эксперт, 2012, № 42 (824), с. 40–63. К тому же, учитывая исторические прецеденты, вряд ли можно ожидать, что передовые государства «без боя» сдадут свои позиции догоняющим странам.

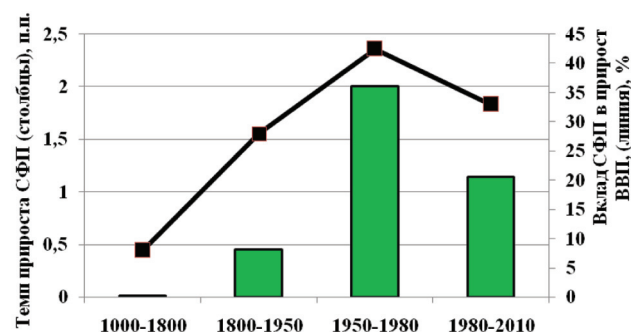
⁴¹ См.: Мельянцева В.А. Азиатский экономический подъем и закат Запада: уточнение оценок // Ломоносовские чтения. Востоковедение. Тезисы докладов научной конференции. М., 2011. С. 155–157.

⁴² См.: Anderlini J. Economists Weigh a Chinese 'Hard Landing' // The Financial Times, August 19, 2012 (<http://www.ft.com/intl/cms/s/0/cc05e828-e860-11e1-8ffc-00144feab49a.html#axzz246ERrLAs>). В дискуссиях, развернувшихся в последнее время, о путях развития современного Китая обсуждаются такие острые проблемы, как несбалансированно высокий уровень накопления и соответственно низкий уровень потребления, препятствующие углублению и расширению внутреннего рынка страны, низкий уровень собственных технологических разработок, сохранение имитационной модели развития и превалирование экстенсивных факторов роста; эффективность его финансовой системы; возросшие в стране уровень коррупции, дифференциации доходов и богатств, а также экологическое неблагополучие (см.: Бергер Я. М. Экономическая стратегия Китая. М., 2009, с. 92–101, 440–492; Гельбрас В.Г. Экономика Китайской Народной Республики. М., 2010, с. 316–320, 395–400, 621–636; Хуан Я. Капитализм по-китайски. М., 2010, с. 275–346; Roach St. The Next Asia. New Jersey, 2009; Meyer Cl. La Chine, centre du monde // Etudes, 2010, N 4124, с. 440–442; Gulard M. Le modèle chinois atteint-il ses limites? // Problèmes économiques, 2010, N 3006, с. 17; Leichman E. L'Argent cache des Chinois // Problèmes économiques, 2011, n 3021, с. 12–15).

шее в целом за последние три с небольшим десятилетия⁴³, *абсолютный разрыв* в этих показателях между ними заметно вырос. По ВВП в расчете на душу населения в 1950–1980 гг. — более чем в три раза, в 1980–2012 гг. — в 1.6–1.7 раза, а по ИЧР — соответственно в полтора и в 1980–2010 гг. — в 1.2 раза.

График 7

В целом по миру: среднегодовые темпы прироста совокупной факторной производительности (СФП) и ее вклад в прирост ВВП, %

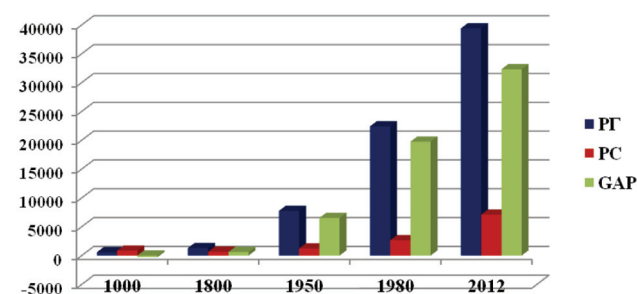
Примечания.

1. Рассчитано по формуле: $y = \alpha \cdot l + (1-\alpha) \cdot k + r$, где y , l , k и r — среднегодовые темпы прироста ВВП, занятости, основного капитала и совокупной факторной производительности.
2. Вклад СФП в прирост ВВП рассчитан по формуле: $u = r/y$, %.
3. Средние показатели эластичности изменения ВВП по рабочей силе (α) и капиталу ($1-\alpha$) взяты равными соответственно в 1000–1800 гг. 0.8 и 0.2; в 1800–1950 гг. 0.7 и 0.3 и в 1950–2010 гг. 0.65 и 0.35.

График рассчитан по источникам к граф. 6.

График 8

Динамика абсолютного разрыва (GAP) в подушевом ВВП (в долл., ППС 2010 г.) между развитыми государствами (РГ) и развивающимися странами (РС)

Примечание. Данные за 2012 г. — предварительные. Рассчитано по источникам к граф. 3, а также: The IMF. World Economic Outlook, October 2012, с. 190, 194.

При всех немалых достижениях РС, в том числе стран БРИКС и некоторых других динамично растущих РС, в целом они сильно уступают РГ по научно-технологическому уровню. В 2010 г. разрыв между РГ и РС по величине подушевых расходов на НИОКР

⁴³ В частности, по первому показателю он вначале, в 1950–1980 гг. увеличившись с 6.3 до 8.4 — кратной величины, затем, по предварительным данным, за 2012 г. опустился до 5.5–5.6, т.е. достиг значения более низкого, чем в 1950 г.

и числу поданных заявок на патенты в расчете на миллион жителей составлял, по разным вариантам подсчетов, 10–12-кратной величины, а по количеству опубликованных научных статей на миллион человек разрыв достигал 16–18 раз. Хотя доля экономически продвинутых стран в мировом экспорте высокотехнологических товаров сократилась с 78–82% в 2001 г. до 65–70% в 2010 г., на них приходится львиная доля (в 2001–2010 гг. свыше 9/10, на США — более половины) мировой экспортной выручки от продажи патентов и лицензий⁴⁴.

Несмотря на имеющиеся трудности, переживаемые ныне РГ, их инновационно-креативная модель роста себя вовсе не исчерпала. Если, «когда все успокоится», а воздействие кризиса несколько ослабнет, и американцы, возможно, вместе с японцами и некоторыми европейцами возьмутся, как предполагается, за новый мегапроект — освоение глубокого космоса, многим из ныне быстрых стран, но с более слабыми научно-исследовательскими и институциональными системами, до них, скорее всего, будет просто не дотянуться⁴⁵.

К тому же следует иметь в виду, что ныне действующие в РГ системы национальных счетов, созданные для оценки роста индустриализирующихся стран, производящих стандартные товары массового производства, все в меньшей мере способны уловить структурные и качественные сдвиги в их во многом уже постиндустриальных экономиках⁴⁶. Судя по имеющимся расчетам и оценкам, в действительности дефляторы валового продукта в странах Запада и Японии не занижены, как иногда об этом пишут, в том числе в популярной литературе у нас и за рубежом. Наоборот, с учетом значительно возросшего разнообразия товаров и услуг, улучшения их качественных характеристик (в течение года в РГ треть продуктов заменяется или подвергается существенной модификации), а также более тщательного и своевременного отражения в ценовых индексах изменения структуры спроса населения (в последнее время такие альтернативные пересчеты сделаны рядом исследователей) можно говорить о

том, что официальные данные о динамике агрегативных дефляторов, скорее всего, завышены. В результате среднегодовой темп прироста ВВП в США и ряде других РГ в последние два десятилетия, возможно, недооценен, как считает ряд экономистов, минимум на 0.2–0.7% пункта⁴⁷.

Хотя по размерам ВВП (в ППС) РС, судя по предварительным данным, могут к 2013 г. догнать РГ⁴⁸, а Китай к 2016–2017 гг. — США⁴⁹ (кстати, по расчетам МВФ, Индия по этому показателю уже в 2011 г. догнала Японию)⁵⁰, следует учитывать, что по величине национального богатства в 2010 г. Япония и США соответственно в 2.6 и 3.2 раза превосходили Индию и КНР, имея при этом его качественно иную, постиндустриальную структуру (граф. 9). Примечательно, что объем человеческого (интеллектуального) капитала США, который наращивается не только усилиями американцев, но и благодаря внушительной иммиграции умов, превосходит совокупный объем национального богатства (по всем трем элементам) Японии, Китая, Индии и России. В последней, к сожалению, доля интеллектуального капитала, во-первых, меньше, чем у других стран «пятерки», а во-вторых, в тенденции сокращается, что ограничивает возможности ее эффективного встраивания в передовые эшелоны мировой экономики 21-го века.

7. Хотя, по имеющимся оценкам, доля «очень бедных» людей в мире сократилась с 82–85% в 1700–1820 гг. до 3/4 в 1870 г., 2/3 в 1910 г., 1/2 в 1960 г., 1/5 в 1992 г. и 1/10⁵¹ в 2008 г., а «просто

⁴⁴ Рассчитано по данным граф. 8, а также: The World Bank. World Development Indicators, 2003, с. 204, 304; 2012, с. 24, 334.

⁴⁵ См.: Мельянцева В.А. Сдают ли развитые страны развивающимся свои позиции? // Мировая экономика и международные отношения, 2009, № 12; Покровский В. Земля ждет эпидемия Красной лихорадки // НГ-наука, 24 ноября 2010.

⁴⁶ См.: Услуги в современной экономике. Отв. ред. Л.С. Демидова, В.Б. Кондратьев. М., 2010, с. 130–149; Современные проблемы модернизации экономики зарубежных стран. Отв. ред. В.Б. Кондратьев. М., 2012, с. 182–183; Nordhaus W. Traditional Productivity Estimates Are Asleep at the (Technological) Switch // The Economic Journal, 1997, vol. 107, n 444, с. 1553–1555; Gordon R., Griliches Z. Quality Change and New Products // The American Economic Review, 1997, n 2, с. 86; Moulton B., Moses K. Addressing the Quality Change Issue in the Consumer Price Index // Brookings Papers on Economic Activity, 1997, N 1, с. 354; Hay C. The 'Dangerous Obsession' with Cost Competitiveness and the Not So Dangerous Obsession with Competitiveness // The Cambridge Journal of Economics, 2012, vol. 36, n 2, с. 472–478.

⁴⁷ См.: Bils M. Do Higher Prices for New Goods Reflect Quality Growth or Inflation? // The Quarterly Journal of Economics, May 2009, vol. CXXIV, Issue 2, p. 637, 672–673; Mulligen, van, P. Quality Aspects in Price Indices and Its International Comparisons. Voorburg, Statistics Netherlands, 2003, p. 154–155; Tortella G. The Origins of the Twenty-First Century. New York, 2008, p. 323; Corrado C., Hulten Ch. How Do You Measure a 'Technological Revolution'? // The American Economic Review, 2010, vol. 100, n 2, с. 99–104.

⁴⁸ Независимо от того, будут или нет НИС включены в группу РГ. См. также: Emerging Economies Now Have Greater Heft on Many Measures than Developed Ones // The Economist, August 6th, 2011.

⁴⁹ См.: ОЭСР: США уступят статус крупнейшей экономики мира Китаю в 2016 г. // Ведомости, 09.11.2012 (http://www.vedomosti.ru/companies/news/5911181/oesr_ssha_ustupat_status_krupnejshej_ekonomiki_mira_kitayu#ixzz2BjhrLr16).

⁵⁰ См.: The IMF. World Economic Outlook, October 2012, с. 179, 190; OECD. Looking to 2060: Long-Term Growth Prospects. Paris, November 2012.

⁵¹ В исторически длинных сопоставлениях в качестве критерия взят уровень подушевого дневного потребления менее 1 долл. в ППС 2005 г. Если взять за критерий «планку» менее 1.25 долл. в ППС 2005 г., то, согласно данным Всемирного банка, в 2008 г. доля сильно нуждающихся людей в мире окажется на уровне 17–19%, в т.ч. в целом по РС 22–23% (составлено и рассчитано по: The World Bank. World Development Indicators, 2012. Washington, D.C., 2012, с. 72). Чтобы не очернять ситуацию, заметим, что современные «критически бедные», пользуясь многими благами цивилизации и, добавим, глобализации, имеют, к примеру, среднюю продолжительность предстоящей жизни от рождения примерно вдвое, а уровень грамотности — в 3–5 раз более высокие, чем бедняки, жив-

бедных» (критерий — подушное дневное потребление ниже 2 долл. в ППС 2005 г.) — соответственно с 92–95% до 89–91, 82–84, 68–72, 49–51 и 28–32% в 2008 г., абсолютное число последних, неуклонно возраставшее в течение столетий до середины (конца) 1990-х гг., уменьшилось практически за десятилетие, вследствие существенного прогресса, достигнутого прежде всего в КНР, более чем на 1/7 — с 2.7–2.9 млрд. до 2.3–2.5 млрд. человек в 2008 г.⁵²

В то же время, несмотря на то, что впервые за последние два столетия в 1980–2000-е гг. произошло, как уже отмечалось, определенное уменьшение относительного разрыва в подушном ВВП в целом между РГ и РС⁵³, в каждой из двух групп стран имело место существенное увеличение внутристранового неравенства⁵⁴. В результате глобальное неравенство по доходам в обозначенный период, как и в прошлом, продолжало углубляться⁵⁵ (см. граф. 10).

шие два-три столетия назад (см.: Мельянец В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии. С. 61; The World Bank. World Development Indicators, 2012, с. 96, 130, 132–133).

⁵² В Китае показатель сократился с 800–900 млн. в 1993–1996 гг. до менее 400 млн. в 2008 г., в то время как, например, в Индии он вырос соответственно с 760–790 млн. до 860–870 млн., в Африке южнее Сахары — с 430–470 млн. до 560–570 млн. (см.: The World Bank. World Development Indicators, 2012. Washington, D.C., 2012, с.72). Подчеркнем, что многие вопросы, связанные с оценкой уровней бедности и распределения доходов, носят дискуссионный характер (см.: Шишков Ю.В. Глобальная дифференциация подушных доходов: некоторые вопросы методологии // Мировая экономика и международные отношения, 2006, № 3, с. 3–12; Капица Л.М. Индикаторы мирового развития. М., 2008; Sutcliffe R. World Inequality and Globalization // Globalization and Economy, vol. 1. James P., Gills B., editors. Los Angeles, 2007, с. 276–307; Deaton A. Price Indexes, Inequality and the Measurement of World Poverty // The American Economic Review, 2010, vol. 100, N 1, с. 5–34; Morrison C., Murtin F. Inégalités et pauvreté depuis trois siècles // Commentaire, 2012, N 138, с. 313).

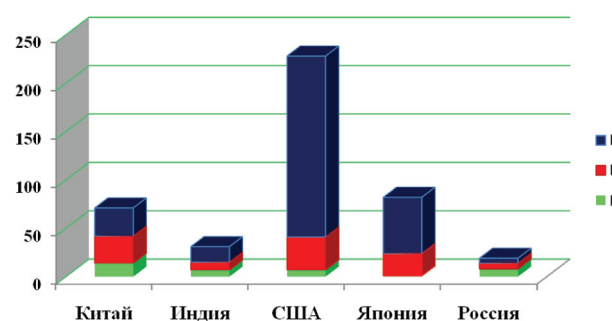
⁵³ О процессах конвергенции в РГ и, наоборот, дивергенции в РС см.: Жуков С.В. Развивающиеся страны: углубление дифференциации // А.А.Рогожин, отв. ред. Современное состояние бизнес-среды развивающихся стран. М., 2006; Фридман Л.А., О многовариантности международных экономических сопоставлений // Россия в окружающем мире. М., 2006; Эльянов А.Я. К вопросу о догоняющем развитии // А.М.Петров, отв. ред. Восток как предмет экономических исследований. М., 2008 и др.

⁵⁴ За последние три десятилетия неравенство в распределении доходов, напомним, существенно выросло в большинстве РГ, стран с переходной экономикой, в ведущих странах и регионах развивающегося мира за исключением Бразилии. По имеющимся данным, коэффициент Джини (по доходам) на рубеже 2000-х — 2010-х годов составил в Китае, Мексике и Нигерии 0.47–0.49, в Индии и Бразилии 0.54–0.55, в Южной Африке 0.63–0.64 (см.: For Richer, for Poorer // The Economist, October 13th, 2012 (<http://www.economist.com/node/21564414>); Like a Peace of String // The Economist, October 13th, 2012 (<http://www.economist.com/node/21564419>); Rhee Ch. Inequality Threatens Asia Growth Miracle // The Financial Times, May 7, 2012 (<http://www.ft.com/intl/cms/s/0/fba71e2c-9607-11e1-9d9d-00144feab49a.html#axzz1wOBj0Vda>); The World Bank. World Development Indicators, 2012, с. 74–76; Мельянец В.А. Развитые и развивающиеся страны. С. 161–167).

⁵⁵ Автор вовсе не разделяет точку зрения, согласно которой увеличение неравенства вообще контрпродуктивно. Заслуживает внимания концепция А.Ю. Шевякова о так называемом

График 9

Общий объем и пропорции распределения совокупного национального богатства, ППС, трлн. долл. 2010 г.

Примечание. Н, К, М — доли в структуре богатства природных ресурсов, физического и человеческого капитала. Рассчитано по источникам к граф. 2 и 3, а также: The World Bank. Global Economic Prospects, 2011. Washington, D.C., 2011, p. 4; Where Is the Wealth of Nations. Washington, D.C., 2006, p. 171–174.

Разумеется, в мире в 1980–2000-е гг. заметно сократилось неравенство по показателям продолжительности предстоящей жизни от рождения, достигнутого уровня начального и среднего образования и «информационно-цифрового» потребления⁵⁶. Но остается и, скорее всего, растет глобальное неравенство по доступу к высококачественному высшему образованию и другим качественным услугам, а также распределению мирового богатства. По данным отчета банка Credit Suisse за 2012 г., подготовленного группой международных экспертов под руководством Э. Шоррокса и Дж. Дэвиса, в мире бедные и менее состоятельные 50% мирового (взрослого) населения владеют всего 1% глобального богатства, в то время как преуспевающие 10 — 86%, а самые богатые 1 — 46% его совокупного объема⁵⁷. И хотя рас-

справедливом неравенстве (см.: Шевяков А.Ю., Кирута А.Я. Измерение экономического неравенства. М., 2002). Однако, скорее всего, превышение порогового значения коэффициента Джини по доходам в 0.35–0.40 может усиливать напряжение в экономических и социально-политических структурах обществ (см.: Колодко Г. Глобализация, трансформация, кризис — что дальше? М., 2011. С. 79). Согласно результатам регрессионной модели, рассчитанной Р. Бенабу, снижение неравенства доходов со сравнительно высокого уровня на одно стандартное отклонение может, даже учтя действие других факторов, увеличить рост подушного ВВП на 0.5–0.8 проц. пункта, что, заметим, весьма существенно (см.: Benabou R. Inequality and Growth // NBER. Macroeconomics Annual. Cambridge (MA), 1996, с. 13).

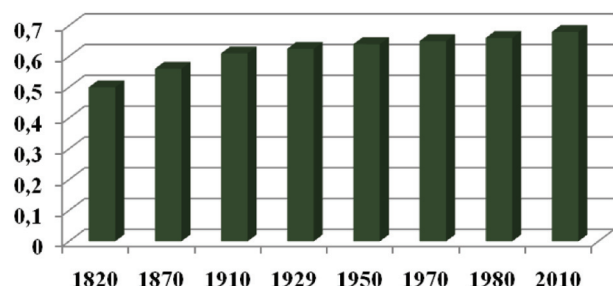
⁵⁶ См.: Sutcliffe R. World Inequality and Globalization // Globalization and Economy, vol. 1. James P., Gills B., editors. Los Angeles, 2007, с. 298; Romer P. What Parts of Globalization Matter for Catch-Up Growth? // The American Economic Review, 2010, vol. 100, N 2, с. 94–98.

⁵⁷ Credit Suisse. Global Wealth Report 2012. Geneva, 2012, с. 15. При этом в России, перешедшей в последние два десятилетия к отнюдь, мягко говоря, не самой эффективной модели капитализма, уровень неравенства в распределении богатства просто зашкаливает. Самые богатые 1% россиян сконцентрировали 71% всех личных активов страны, в то время как в Индии и Индонезии 1 перцентиль владеет 49% и 46% всего

четы ориентировочные, а сама методология требует уточнений, они в целом свидетельствуют если не о взрывоопасной, то о весьма тревожной тенденции.

График 10

Динамика глобального коэффициента Джини (по доходам)

Примечание. Индекс учитывает внутривнутристрановое и межстрановое неравенство.

Изменяется от 0 до 1 (максимальный уровень неравенства по принятому критерию).

Составлено и рассчитано по данным и источникам к граф. 3 и 9, а также материалам Ф. Бургиньона и Х. Моррисона: For Richer, for Poorer // The Economist, October 13th, 2012 (<http://www.economist.com/node/21564414>).

Напряжение в мире, несмотря на многие экономические и социально-культурные достижения за последние два столетия с начала современного экономического роста, остается значительным. Происходит накопление неустойчивости, избыточной конфликтности, вызванных в немалой мере обострением ряда экономических, социальных, экологических и иных проблем⁵⁸. Наблюдается эскалация числа терактов, убийств и самоубийств, социальных про-

личного богатства, в Африке — 44%, в США — 37%, в Китае и Европе — 32%, в Японии — 17% (см.: Гуриев С., Цывинский О. Россия — лидер по распределению богатства // Ведомости, 06.11.2012). Отношение совокупного богатства миллиардеров к объему ВВП в России (18,6%) на три четверти выше, чем в Индии и США (10–11%) и почти в три раза больше, чем в Германии и Бразилии (6–7%). См.: For Richer, for Poorer // The Economist, October 13th, 2012 (<http://www.economist.com/node/21564414>).

⁵⁸ По мнению экспертов, к 2050 г. голод и засуха двинет в путь 200 млн. мигрантов, что на порядок больше, чем общее число беженцев в 2010 г. По оценкам, число ядерных держав примерно к этому времени может удвоиться. Опасность распространения ядерного оружия нет смысла обосновывать. Заметим лишь, что, отвечая на ранее заданный великим физиком Э. Ферми вопрос, почему людям до сих пор, насколько известно, не встретилась ни одна внеземная цивилизация, американские ученые Й. Шкловски и К. Саган еще в 1967 г. дали подкрепленный математическими выкладками ответ: ни одна ядерная цивилизация не способна продержаться более 100 лет — происходит взаимоуничтожение составляющих ее обществ. Тем самым они сделали предположение, надемся весьма ориентировочное, о возможной (при неблагоприятном стечении обстоятельств) «точке сингулярности» для Земли — 2045 г. (см.: Morris I. Why the West Rules for Now. The Patterns of History and What They Reveal About the Future. London, 2011, с. 601, 607, 613–614; The World Bank. World Development Indicators, 2012, с. 384).

тестов, революций, локальных войн⁵⁹. И не следует, думаем, успокаиваться, зная, что за прошедшие две трети столетия не было крупных потрясений.

О том, что мир, связанный капиталами и торговлей, ждет светлое будущее, устойчиво говорили многие ровно сто лет назад, накануне большой мировой катастрофы.⁶⁰ Между тем процент людей, погибших на нашей планете в результате разнообразных конфликтов и социального насилия, удвоившись в XIX в. по сравнению с уровнем XVI–XVIII вв., в прошлом столетии вырос в два-три раза по сравнению с позапрошлым⁶¹. И хотя после второй глобальной войны был создан ряд надгосударственных институтов, мир нуждается в намного более совершенных глобальных регуляторах, работающих на многосторонней основе, имеющих больший международный вес и способных обеспечить полноту реализации международных контрактов⁶².

Это весьма важно, поскольку, после начала дерегулирования глобальной экономики в середине 1970-х гг., интенсивность финансово-экономических кризисов в мире, в зависимости от способа подсчета, выросла в 4–6 раз по сравнению с первыми послевоенными десятилетиями⁶³. Мировые рынки, что бы ни говорили ультралиберальные экономисты об их способности адекватно вбирать информацию и оказывать оптимизирующее воздействие на экономику (гипотеза эффективного рынка Е. Фамы), имеют в действительности ограниченную эффективность, ибо рынки реагируют главным образом на краткосрочные прибыли. Что касается теории равновесия, то она, по мнению многих известных экономистов, покоится на слабых основаниях.

Чикагский экономист лауреат Нобелевский премии Р. Лукас, который еще в 2003 г. заявил, что «макроэкономика преуспела: ее центральная проблема предотвращения депрессии была решена», в 2009 г., отвечая на вопрос Елизаветы II о состоятельности этой науки, признался, что экономическая теория не может адекватно прогнозировать кризисы⁶⁴. Как

⁵⁹ К началу 2010-х гг. не менее чем в половине стран мира отмечался высокий или очень высокий уровень социально-политической нестабильности. См.: Political Instability Index (http://viewswire.eiu.com/site_info.asp?info_name=instability_map&page=noads). (Accessed 11.15.2012). См.: Феллер В. В смуту XXI века. Самара, 2002; Турчин А.В. Структура глобальной катастрофы. М., 2010; Масарский М. В. Неустойчивость порядка. Очерки философии истории. М., 2010; Смир В. Глобальные катастрофы и тренды: следующие 50 лет. И., 2012.

⁶⁰ См.: Morris I. Why the West Rules, с. 607.

⁶¹ Рассчитано по: Давыдов А.А. Системная социология. М., 2007. С. 34; Onwards and Upwards // The Economist, December 19th, 2009.

⁶² См.: Россия в полицентричном мире, с. 56, 65; Attali J. Demain, qui gouvernera le monde? Paris, 2011.

⁶³ См.: Стиглиц Дж. Крутое пики. Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса. М., 2011, с. 269; Rodrik D. The Globalization Paradox. Why Global Markets, States, and Democracy Can't Coexist. Oxford, 2011 с.109.

⁶⁴ См.: Kay J. Economics Fails to Resolve Exceptions to the Rule // The Financial Times, September 6, 2011; Rodrik D. The

заметил Х. Дэвис (директор Лондонской школы экономики в 2003–2011 гг.), «ценовые движения, которые, как предсказывают модели, должны происходить раз в миллионы лет, наблюдались несколько раз в неделю на протяжении последних пяти лет»⁶⁵.

График 11

Динамика S&P composite index, 1941-43=10

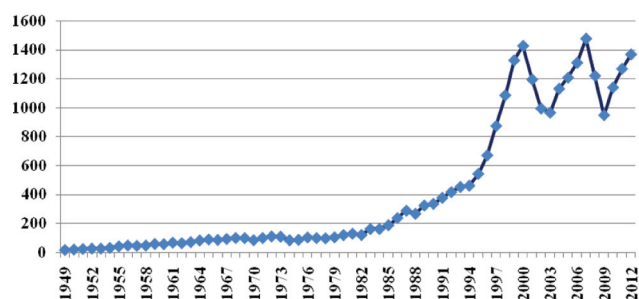

График построен по данным: Economic Report of the President. Washington, D.C., 2012, p. 428–429; Markets Overview (<http://www.bloomberg.com/markets>), accessed 11.15.2012.

Экономисты, стремящиеся свои модели сделать такими же элегантными, как сама математика, весьма часто, как известно, прибегают к нереалистичным допущениям, например о рациональных игроках, обладающих (почти) полной информацией и действующих на практически эффективных рынках. Как указывает известный американский фондовый аналитик Н. Талеб, экономисты должны больше уделять внимание не равновесным, а неравновесным процессам, поскольку экстремальные явления происходят все чаще. Кстати, по имеющимся расчетам, за последние 50 лет половина прибыли на мировых фондовых рынках получена за 10 дней⁶⁶.

Между тем волатильность фондовых рынков, если судить по данным о (только) годовом изменении композитного индекса S&P (см. граф. 11), многократно выросла в последние десятилетия (в 1980–2012 гг. по сравнению с 1950–1979 гг. в четыре раза, в 2001–2012 гг. по сравнению с 1950–1990 гг. в 13 раз).

Поскольку по многим компонентам мирового развития, кроме, пожалуй, демографического, «слишком далеко заглядывать вперед нецелесообразно» (здесь мы согласны с У. Черчиллем)⁶⁷, считаем

Globalization Paradox. Why Global Markets, States, and Democracy Can't Coexist. Oxford, 2011, с. 157; Caballero R. Macroeconomics after the Crisis: Time to Deal with the Pretense-of-Knowledge Syndrome // The Journal of Economic Perspectives, 2010, vol. 24, N 4, с. 85, 101.

⁶⁵ См.: Davies H. Economics in Denial // Project Syndicate, August 22, 2012 (<http://www.project-syndicate.org/commentary/economics-in-denial-by-howard-davies>).

⁶⁶ См.: Балацкий Е.В. Рец. на книгу Н. Талеба «Черный лебедь» // Мировая экономика и международные отношения, 2010, № 6, с. 90; Coy P. What Good Are Economists Anyway? // The Businessweek April 16, 2009; What Went Wrong with Economics // The Economist, July 16th, 2009.

⁶⁷ В отдаленной перспективе не исключены разного рода бифуркации, которые бесполезно пытаться предугадать. Также трудно, например, вычислить принципиально плохо измери-

разумным при необходимости ограничиться среднесрочным прогнозом. Используя несложную модель, рассчитанную три года назад⁶⁸, можно в порядке первого приближения предположить, что в течение ближайшего десятилетия среднегодовой темп прироста глобального продукта (без поправки на его качество) составит 3–4%, т.е. будет ниже, чем в 2000-е гг.⁶⁹, но, с учетом растущего влияния РС, скорее всего, выше, чем в 1980–1990-е гг. (в том числе в РГ — максимально 2–2.5%, а в РС, включая и так называемые переходные экономики, — не более 5–6%). В итоге в течение 2009–2020 гг. произойдет определенная рокировка: в глобальном ВВП доля РГ сократится с 52–53 до 42–43%, РС (и переходных экономик, без РФ) увеличится — с 44–45 до 54–55%, а доля РФ — останется на уровне 3%.

Как представляется, прогресс в современном мире, быстро сжимающемся благодаря возросшей мощи коммуникаций и интенсивности социально-культурных взаимодействий, в немалой мере⁷⁰ будет

мные факторы и т.н. «неизвестные неизвестные» (immeasurable unknowns, unknown unknowns) (см.: Big Questions and Big Numbers // The Economist, July 15th, 2006; Cottrell R. The Future of Futurology // The World in 2008 (www.economist.com/theworldin.) (12–15–2007); Economic Forecasts: Hard to Rely On? // The Finance and Development, 2008, September). Как говорится, если хочешь рассмешить Бога, скажи ему о своих планах на будущее.

⁶⁸ См.: Мельянцева В.А. Перспективы мировой экономики: меняющаяся роль основных участников // Вестник МГИМО — Университета, 2010, № 4 (13), с. 164–166. Расчет произведен и апробирован по данным крупных стран мира за 2000-е гг. с использованием весьма важных и, что не менее ценно при прогнозе, стабильно-инерционных характеристик роста — исходного уровня душевого дохода (который в принципе известен) и предполагаемой средней за период нормы капиталовложений. О ней, учитывая исходное состояние экономик, в т.ч. по РГ (большой уровень задолженности и одновременно императивная необходимость обновления производственного аппарата для преодоления в тенденции депрессионно-замедленного роста), а также публикуемые в международных и страновых стратегиях развития оценки ее предполагаемого изменения в РС и РГ, можно составить необходимое представление с некоторой большей уверенностью, чем по ряду других детерминантов роста. $Z = 2.7 - 0.13Y_0 + 0.19M$, $\text{adj. R-squared} = 0.79, (0.01)$, где Z — среднегодовой темп прироста ВВП (%), Y_0 — душевой ВВП, в ППС, долл. в начале периода; M — средняя норма капиталовложений, 2005 г., ППС 2005 г., %. Рассчитано по материалам международной статистики, важнейшими из которых были: National Accounts Main Aggregates Database (<http://unstats.un.org/unsd/snaama/selbasicFast.asp>); New Purchasing Power Parity Estimates from the 2005 International Comparison Program // The World Bank. World Development Indicators, 2008. Washington, D.C., 2008, с. 8–10. Коэффициент детерминации достаточно высок, основные параметры статистически значимы на уровне менее 5%.

⁶⁹ Как недавно заметил в одном из своих интервью К. Рогофф (Гарвардский профессор, гроссмейстер по шахматам, автор серьезных исследований по истории и современному состоянию мировых финансов), говоря о перспективах мировой экономики, it's gonna be worse before it gets better («она станет хуже, прежде чем станет лучше»).

⁷⁰ Сугубо антропоцентричный подход к глобальной эволюции человечества, с нашей точки зрения, методологически некорректен. Как сумели показать многие ученые, в т.ч.

зависеть от того, сможет ли он перейти от прежней, действовавшей на протяжении тысячелетий парадигмы развития, основанной по преимуществу на жадности, страхе, безответственной самоуверенности⁷¹, к более устойчивой, назовем ее *конкурентно-*

контрактной, модели, где социальная связанность и сплоченность людей (т.н. social cohesion)⁷², не подавляя креативность индивида, как это нередко случалось в традиционных и тоталитарных социумах, станут, хочется верить, играть все большую роль.

А.Л. Чижевский, природные, климатические и космические эффекты играют весомую, а на определенных этапах развития, — ключевую роль (А.Л. Чижевский. Космический пульс жизни. М., 1995).

⁷¹ Why the West Rules — for Now // The Economist, October 9th, 2010, с. 92.

⁷² Английский философ и социолог Г. Спенсер подчеркивал, что «эволюция — это переход от несвязанной гомогенности к связанной гетерогенности». Как показывают исследования, создание в обществе более или менее приличного уровня доверия, уменьшая транзакционные издержки, существенно повышает эффективность его функционирования. И, наоборот, нарастание в нем несправедливого неравенства (по А.Ю. Шевякову), ликвидация социальных лифтов, предательство элит (по А. Сену) его разрушают. Это, весьма возможно, предопределило гибель многих цивилизаций в прошлом (см.: Zak P., Knack St. Trust and Growth// The Economic Journal, 2001, vol. 111, April, с. 306; Acemoglu D., Robinson J. Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity, and Poverty. London, 2012).